

Научная статья
УДК 343.3/.7
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-187-193>

Запрещенные методы ведения войны (часть 1 статьи 356 Уголовного кодекса Российской Федерации): вопросы квалификации и особенности содержания бланкетной нормы

Валентина Владо Лисаускайте, кандидат юридических наук, доцент

Восточно-Сибирский институт МВД России
Иркутск (664074, ул. Лермонтова, д. 110), Российская Федерация
vlado@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3694-9966>

Аннотация:

Введение. Статья 356 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за совершение наиболее общественно опасных преступлений, признанных всем мировым сообществом, – военных преступлений. В то же время указанная норма их не конкретизирует. Соответственно, при квалификации преступлений возникают вопросы. Автор раскрывает проблему закрепленной, но не конкретизированной в статье терминологии, особенностей толкования и применения правоприменителем международного договора Российской Федерации. В результате проведенного исследования сформулированы выводы о недостатках конструкции диспозиции рассматриваемой нормы уголовного закона. Обосновывается необходимость ее изменения – выделения в качестве самостоятельного состава военных преступлений применения методов ведения войны, запрещенных международным договором Российской Федерации. Исследование, без сомнений, актуально, поскольку в настоящее время происходит немало вооруженных конфликтов и, соответственно, совершаются подобные преступления. Декларируя неотвратимость наказания за совершение военных преступлений, Россия, соблюдая нормы международного права, должна иметь юридическую возможность реализации механизма такой ответственности.

Методы. Применены методы описания, анализа, сравнения и системный метод исследования.

Результаты. Результатами работы стали итоговые выводы автора относительно особенностей определения квалификации запрещенных методов ведения войны как альтернативного деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 356 УК РФ. В заключении сформулированы рекомендации и предложения по возможному изменению рассмотренной нормы уголовного закона в целях более эффективного ее применения в части установления применения запрещенных методов ведения войны как альтернативного общественно опасного деяния при квалификации военных преступлений.

Ключевые слова:

преступления против мира и безопасности человечества, военные преступления, запрещенные методы ведения войны, международный договор Российской Федерации, Женевские конвенции

Для цитирования:

Лисаускайте В. В. Запрещенные методы ведения войны (часть 1 статьи 356 Уголовного кодекса Российской Федерации): вопросы квалификации и особенности содержания бланкетной нормы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 187–193 <https://doi.org/10.35750/2071-82842025-2-187-193>.

Статья поступила в редакцию 13.11.2024;
одобрена после рецензирования 27.05.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

Prohibited methods of warfare (part 1 of article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation): qualification issues and peculiarities of the content of the blanket norm

Valentina V. Lisauskaite, Cand. Sci (Jurid.), Docent

East Siberian Institute of the MIA of Russia
110, Lermontova str., Irkutsk, 664074, Russian Federation
vlado@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3694-9966>

© Лисаускайте В. В., 2025

Abstract:

Introduction. Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation establishes criminal liability for committing the most socially dangerous crimes recognised by the entire world community – war crimes. The use of methods of warfare prohibited by international treaties of the Russian Federation is enshrined as alternative actions of committing the offence. At the same time, this norm does not contain their specification. Accordingly, questions in the qualification of offences are raised. The author reveals the problems of the terminology enshrined but not specified in the article, peculiarities of interpretation and problems of application of international treaties of the Russian Federation by law enforcers. As a result of the study, independent conclusions are formulated on the shortcomings of the construction of the disposition of the considered norm of the criminal law and the need to change it by singling out as an independent corpus delicti of war crimes the use of methods of warfare prohibited by an international treaty of the Russian Federation. The relevance of the study is undoubted, since at present there is a large number of armed conflicts and similar offences are committed. Defending the inevitability of punishment for the commission of war crimes, Russia, complying with the norms of international law, should have a legal opportunity to implement the mechanism of such responsibility.

Methods. The methods of description, analysis, comparison and systematic method of research were applied.

Results. The results of the research are the final conclusions of the author regarding the peculiarities of determining the qualification of prohibited methods of warfare as an alternative act provided for by Part 1 of Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation. The conclusion formulates recommendations and proposals for possible changes in the considered norm of the criminal law. In order to more effectively apply it in terms of establishing the use of prohibited methods of warfare as an alternative socially dangerous act in the qualification of war crimes.

Keywords:

crimes against peace and security of humanity, war crimes, prohibited methods of warfare, international treaties of the Russian Federation, Geneva Convention

For citation:

Lisauskaite V. V. Prohibited methods of warfare (part 1 of article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation): qualification issues and peculiarities of the content of the blanket norm // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2025. № 2 (106). P. 187–193. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-187-193>.

The article was submitted November 13, 2024; approved after reviewing May 27, 2025; accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Длительное время составы преступлений, получившие закрепление в главе 34 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ), не встречались в правоприменительной практике и выступали предметом рассмотрения в сугубо доктринальном формате. Однако в результате различных общемировых событий и активного участия в них России, отстаивания ею позиции относительно соблюдения международного права, преступления против мира и безопасности человечества, предусмотренные национальным уголовным законодательством, стали активно расследоваться. В силу получения распространения на практике такие деяния объективно потребовали уголовно-правовой оценки с позиции их квалификации. Положения ст. 356 УК РФ приобрели особую актуальность в связи с проведением специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины [1, с. 73].

Определенные недостатки законодательной конструкции составов преступлений, закрепленных в главе 34, которые уже давно обсуждаются теоретиками уголовного права, нашли отражение в правоприменительной практике, вызывая некоторые сложности в реализации всего объема уголовной репрессии за их совершение. Таким образом, представляется весьма актуальным исследование и обсуждение сложных вопросов квалификации преступлений против мира и безопасности человечества в целях выработки предложений по возможному совершенствованию рассматриваемых норм и повышению уровня их эффективного применения.

В настоящее время органами Следственного комитета Российской Федерации ведется активная работа по расследованию фактов совершения преступлений, предусмотренных главой 34 УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества», в т. ч. преступлений, ответственность за которые предусмотрена ч. 1 ст. 356 УК РФ. Целью данного исследования является характеристика запрещенных методов ведения войны как альтернативной составляющей объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 356 УК РФ, и анализ с проведением сравнения с положениями международного договора Российской Федерации. Поскольку сама диспозиция содержит бланкетную отсылку относительно выполнения одного из альтернативных деяний объективной стороны преступления, существует необходимость в его конкретизации для качественной квалификации деяния и привлечения виновных к ответственности.

В рамках данного исследования представлен детальный анализ особенностей международных обязательств нашей страны, нарушение которых следует рассматривать в качестве применения запрещенных методов ведения войны в рамках объективной стороны ч. 1 ст. 356 УК РФ. Работа основана на анализе публикаций ведущих специалистов в области международного гуманитарного права Р. А. Адельханяна [2], А. Г. Кибальника [3], И. И. Котлярова [4] и др.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Методы

Содержание работы построено на применении методов описания, анализа, сравнения и системного метода исследования. Описание использовано для характеристики терминов, встречающихся в диспозиции нормы, и их закрепления в иных нормативных документах национального законодательства. С помощью анализа исследованы правила поведения, устанавливающие конкретные запреты относительно методов ведения войны и специфика их применения в контексте квалификации преступных деяний по ст. 356 УК РФ. Метод сравнения позволил выявить в работе достоинства и недостатки правового регулирования в рассматриваемой сфере. Посредством применения системного метода исследования были сформулированы итоговые выводы работы.

Результаты

Применение методов ведения войны, запрещенных международным договором Российской Федерации, исходя из законодательной конструкции состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 356 УК РФ, представляет собой одно из альтернативных деяний совершения военного преступления. Как отмечает А. Н. Смирнова, «в международно-правовых актах о запрещенных методах и средствах ведения войны, и практическом их применении зачастую не делается разграничений, а говорится, как о равноценных положениях, важно понимать, что эти понятия различны и имеют свои собственные определения и классификации» [5, с. 183]. Как правило, в научной литературе юридический анализ альтернативных деяний осуществляется в групповом формате, не дробя на самостоятельные виды единую закрепленную формулировку «применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации» [6, с. 237–244]. Юридическое установление запрета на применение того или иного метода ведения войны начиналось с Гаагских конвенций 1899² и 1907³ гг., принятых в рамках мирных конференций [7, с. 33–46]. Эти нормы также имеют групповой формат: средства и методы указаны совокупно. Большинство из них отражено в рамках Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года [8].

Последующая конкретизация правил относительно применения или запрета методов ведения войны получила отражение в Женевских конвенциях о защите жертв войны 1949 года⁴ (далее – Женевские конвенции) и дополнительных протоколов к ним 1977 года⁵ [9]. Однако структура этих договоров не предусматривает конкретного перечня всех методов, поэтому литература по международному уголовному праву, как правило, ограничивается обобщенным анализом всей совокупности методов ведения войны без их глубокого исследования. В то же время, изучение

² Конвенция о законах и обычаях военного времени на суше (г. Гаага, 29 июля 1899 г.) // Договоры и другие международные соглашения Соединенных Штатов Америки 1776–1949 гг. / сост. Ч. И. Беванс. Вашингтон, Колумбия : Государственная типография, 1968. Т. 1: Многосторонние договоры 1776–1917 гг. URL: https://avalon.law.yale.edu/19th_century/hague02.asp (дата обращения: 10.10.2024).

³ Конференция о законах и обычаях сухопутной войны (г. Гаага 18 октября 1907 г.). Санкт-Петербург : Издательство Российского МИД, 1908. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901753259> (дата обращения: 10.10.2024).

⁴ Женевская Конвенция об обращении с военнопленными (вместе с «Типовым соглашением по вопросу непосредственной репатриации и госпитализации в нейтральной стране раненых и больных военнопленных», «Положением о смешанных медицинских комиссиях», «Правилами, касающимися коллективных посылок помощи военнопленным» и «Типовыми правилами, касающимися денежных переводов...») (заключена в г. Женеве 12.08.1949) (с изм. от 08.12.2005) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Москва, 1957. Вып. XVI. С. 125–204, 279–280. ; Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (заключена в г. Женеве 12.08.1949) (с изм. от 08.12.2005) // Там же. С. 101–124, 279 ; Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (вместе с «Проектом Соглашения о санитарных зонах и местностях») (заключена в г. Женеве 12.08.1949) (с изм. от 08.12.2005) // Там же. С. 71–100, 279 ; Женевская Конвенция о защите гражданского населения во время войны (вместе с «Проектом Соглашения о санитарных и безопасных зонах и местностях», «Проектом Правил, касающихся коллективной помощи гражданским интернированным») (заключена в г. Женеве 12.08.1949) (с изм. от 08.12.2005) // Там же. С. 204–278, 280.

⁵ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) (вместе с «Правилами, касающимися опознавания», «Удостоверением журналиста, находящимся в опасной командировке») (подписан в г. Женеве 08.06.1977) // Сборник международных договоров СССР. Москва, 1993. Вып. XLVI. С. 134–182 ; Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) (подписан в г. Женеве 08.06.1977) // Там же. С. 182–191 ; Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся принятия дополнительной отличительной эмблемы (Протокол III) (подписан в г. Женеве 08.12.2005) // Информационно-правовой портал «Гарант.ру» (далее – «Гарант.ру») : сетевое издание. <https://base.garant.ru/71622214/> (дата обращения: 10.09.2024).

методов в контексте совершения военных преступлений требует конкретизации определенных признаков и особенностей, позволяющих обосновать такой запрет.

Применение методов ведения войны, запрещенных международным договором Российской Федерации, как вариант выполнения объективной стороны ч. 1 ст. 356 УК РФ является одним из наиболее дискуссионных (в контексте доктринального рассмотрения) и, пожалуй, одним из самых сложных по характеристике общественно опасным деянием. Подобного рода сложность в первую очередь связана с бланкетным характером самой нормы и в связи с этим необходимостью анализа значительного количества международных правил.

Юридическое определение термина «методы ведения войны» в самой норме отсутствует. Характеристику его содержания принято давать с учетом анализа доктринальных позиций, представленных довольно скупо. Методы – это то, как осуществляются боевые действия по достижению целей вооруженного конфликта. Методами ведения войны являются порядок и способ использования средств по их прямому назначению, т. е. подавления вооруженных сил и инфраструктуры противника и нанесения повреждений на самом минимальном допустимом уровне [10, с. 190].

По мнению И. И. Котлярова, «методы войны – это определенные способы использования сил и средств ведения войны» [4, с. 49]. Такой же позиции придерживается и другие исследователи [11, с. 67; 12, с. 263; 13, с. 165]. Данный подход, на наш взгляд, основан, скорее всего, на нормах Наставления по международному гуманитарному праву для Вооруженных сил Российской Федерации⁶ (далее – Наставление). В этом документе фактически ставится знак равенства между методами и способами, поскольку первый термин указан в скобках по отношению ко второму. Однако само содержание их не раскрывается, а конкретные запрещенные действия указываются просто перечислением.

Такой подход создает определенные сложности, поскольку для международного права характерен и юридически в нем закреплен именно термин «методы». И хотя между терминами «методы» и «способы» фактически стоит знак равенства. Применение термина «методы» при толковании более логично, хотя и второй термин не меняет смыслового значения. Исходя из этого, при дальнейшем анализе мы будем использовать именно его: характеристика запрещенных методов ведения войны и их юридическое закрепление имеют международно-правовую регламентацию, а установление уголовной ответственности является реализацией международных обязательств Российской Федерации.

В отличие от средств ведения войны, его методы большей частью закреплены в Женевских конвенциях. Соответственно, их запрет или ограничение носит императивный характер (обязательно для всех государств). Исключением являются методы, установленные в дополнительных протоколах к указанным Женевским конвенциям, поскольку не все государства являются их участниками. В то же время следует отметить, что, по мнению экспертов, Дополнительный Протокол I содержит более детальное и объемное перечисление запрещенных методов ведения войны [14, с. 63].

В данном случае мы сталкиваемся со спецификой реализации публичных отношений (между государствами), которая влияет на возможность привлечения к уголовной ответственности конкретных физических лиц за совершение военных преступлений. Существует международный договор, предусматривающий обязательства государств по неприменению запрещенных методов ведения войны. Государства его подписывают и придают его положениям обязательную юридическую силу на своей территории. Такой страной в рассматриваемом случае является Россия. Однако далеко не все государства стали участником этого международного договора. Соответственно, для последних положения такого договора не являются обязательными и, гипотетически, они могут применять запрещенные для других стран методы ведения войны. Согласно официальным данным, число государств – участников Женевских конвенций – 188; число государств – участников дополнительного Протокола I – 148. Следует отметить, что, например, США (среди прочих стран) не подписали и не ратифицировали ни один дополнительный протокол к указанным конвенциям⁷.

⁶ Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации (вместе с «Правилами применения норм международного гуманитарного права, касающихся опознавания») (утв. Министром обороны Российской Федерации 08.08.2001) // «Гарант.ру». URL: <https://base.garant.ru/71314428/> (дата обращения: 10.09.2024).

⁷ Перечень международных договоров без участия США // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://mid.ru/ru/maps/us/1914053/> (дата обращения: 10.03.2025) ; Базы данных по международному гуманитарному праву // МККК : [официальный сайт]. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/apiii-2005/state-parties> (дата обращения: 10.03.2025).

В контексте международного права возникает вопрос ответственности государства в случае, если сторонами вооруженного конфликта являются государство – участник соглашения и государство – не участник соглашения, т. е. одно обязано соблюдать его нормы, а другое – нет. Так, все четыре Женевские конвенции по своей юридической силе рассматриваются как соглашения, содержащие общеобязательные (императивные) правила, вне зависимости от того, является ли государство участником данных соглашений. Однако дополнительный Протокол I не имеет такой юридической силы, и его положения являются обязательными только для государств – участников этого договора. При этом сам Протокол содержит весьма детальную регламентацию отдельных методов ведения войны, которые в Женевских конвенциях отсутствуют. По этой причине теоретики ставят вопрос о применении норм ответственности за нарушение положений Протокола (т. е. совершения военных преступлений) в отношении государства – не участника данного документа. Отсюда вытекает и возможность (необходимость) рассмотрения уголовной ответственности физических лиц за применение запрещенных методов ведения войны, поскольку сами военные преступления совершаются конкретными индивидами от лица конкретного государства. К настоящему времени решение этой проблемы в правовом ключе пока не найдено.

И снова вернемся к уголовно-правовому аспекту. В случае установления факта применения запрещенного метода ведения войны, например, из перечня дополнительного Протокола I, для решения вопроса о привлечении конкретного лица к уголовной ответственности по УК РФ необходимо установить, является ли государство, от имени которого действовало это физическое лицо, участником данного международного договора, т. е. являются ли положения соглашения обязательными для него, и, соответственно, может (или не должно) это государство использовать запрещенные методы в рамках своих военных действий. Таким образом, поскольку применение запрещенных методов ведения войны как военное преступление в УК РФ является результатом имплементации положений международного договора Российской Федерации, при решении вопроса об уголовной ответственности конкретного физического лица необходимо устанавливать дополнительные факты.

Следует отметить также, что методы ведения войны могут быть как ограничены, так и полностью запрещены. В Наставлении⁸ закреплен перечень запрещенных методов, применение которых в вооруженном конфликте неоспоримо свидетельствует о совершении военного преступления. Он сформулирован с использованием положений Женевских конвенций и дополнительных протоколов к ним и представляет собой определенную форму имплементации в национальное законодательство. В качестве таких методов в документе указаны:

- убийство или ранение гражданских лиц;
- убийство или ранение лиц, которые, сложив оружие или не имея средств защищаться, сдались в плен;
- отдача приказа никого не оставлять в живых, угрожать этим или вести боевые действия на этой основе;
- вероломство;
- террор в отношении гражданского населения;
- использование голода среди гражданского населения для достижения военных целей; уничтожение, вывоз или приведение в негодность объектов, необходимых для его выживания;
- огневое поражение населенных пунктов, портов, жилищ, храмов, госпиталей при условии, что они не используются в военных целях;
- уничтожение культурных ценностей, исторических памятников, мест отправления культа и других объектов, составляющих культурное или духовное наследие народов, а также их использование в целях достижения успеха в боевых действиях, и др.⁹

Это перечисление может быть использовано правоприменителем при квалификации военных преступлений и во многом упрощает его работу. В то же время следует отметить ряд недостатков. Некоторые использованные в перечне термины требуют пояснения как с позиции понимания (нападение неизбирательного характера), так и с позиции возможности применения норм национального законодательства об ответственности (террор в отношении гражданского населения). Ни то, ни другое в Наставлении не отражено. К сожалению, в рассматриваемом документе отсутствует и указание, в каком конкретно договоре закреплены перечисленные запрещенные методы ведения войны. Как отмечено ранее, данное обстоятельство имеет значение при установлении факта совершения такого военного преступления.

⁸ URL: <https://base.garant.ru/71314428/> (дата обращения: 10.09.2024).

⁹ Там же.

Так, такие запрещенные методы, как «вероломство», «отдача приказа не оставлять в живых» закреплены в дополнительном Протоколе I. Соответственно, в случае их использования необходимо установить, является ли государство, от имени которого они применялись, участником данного договора. Если нет, то вопрос о привлечении к уголовной ответственности соответствующих физических лиц является спорным.

На наш взгляд, в данном перечне присутствуют определенные неточности относительно безусловного понимания конкретного запрета. Например, такой метод, как «убийство гражданских лиц», не всегда выступает именно методом ведения войны, поскольку такое преступление может быть совершено вне целей войны, вне боевых действий, однако при осознании преступником того факта, что он их совершает в рамках вооруженного конфликта. В таком случае военное преступление выражается в нарушении правового статуса лица, находящегося под защитой. С точки зрения действующей диспозиции, закрепленной в ч. 1 ст. 356 УК РФ, это деяние относится к категории «жестокое обращение с гражданским населением». Например, убийство гражданских лиц представителями вооруженных сил государства-противника вне рамок боевых действий или военных операций на оккупированной территории, при отсутствии приказа командования о совершении таких действий. Совершение убийства гражданских лиц в такой обстановке (боевые действия или военная операция) и в отсутствие приказа свидетельствует о том, что преступные действия не являются тактической формой ведения боевых действий, т. е. лицо их совершает по собственной инициативе в результате личных мотивов и целей, связанных с вооруженным конфликтом. Наличие же такого приказа (убийство гражданских лиц) будет свидетельствовать о применении запрещенного метода ведения войны, поскольку сам приказ отдается вышестоящим командиром (должностным лицом) в целях достижения определенных стратегических задач вооруженного конфликта (захват населенного пункта вне зависимости от последствий).

Поскольку в настоящее время в диспозиции перечислены разные по своей правовой природе и объектам посягательства альтернативные деяния, совершение которых в целом нарушает установленные законы и обычаи ведения войны, правоприменитель не может учесть специфику каждого дополнительного объекта посягательства при квалификации конкретного преступления.

Рассматривая конструкцию анализируемой статьи уголовного закона, мы видим, что законодатель фактически разделил два деяния – «жестокое обращение» и «применение в вооруженном конфликте методов, запрещенных международным договором Российской Федерации». По мнению многих исследователей, убийство гражданских лиц как военное преступление можно рассматривать как жестокое обращение, если эти действия совершены не в рамках тактических, намеренных боевых действий [13, с. 204; 14, с. 277].

Позиция автора данного исследования схоже с мнением А. В. Берко, который считает, что «деяние в виде применения в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором, является общим (родовым) по отношению к иным деяниям, указанным в той же норме. Соответственно, квалификация содеянного как „применения в вооруженном конфликте средства или метода, запрещенного международным договором Российской Федерации” возможна только в том случае, если данное средство или метод не подпадают под содержание иных деяний, указанных в частях 1 и 2 ст. 356 УК РФ» [15, с. 56].

Проведенное исследование свидетельствует о сложности понимания весьма объемного по содержанию общественно опасного деяния, закрепленного в ч. 1 ст. 356 УК РФ, на примере характеристики только одного из альтернативных вариантов выполнения объективной стороны. Учитывая особенности бланкетности данной нормы и специфики применения положений международного договора, ч. 1 ст. 356 УК РФ, возможно, нуждается в корректировке. Поэтому, на наш взгляд, необходимо обособить «применение запрещенных методов ведения войны» в самостоятельный состав преступления либо в рамках отдельной статьи уголовного закона, либо, используя законодательную технику, выделить его из диспозиции ч. 1 ст. 356 УК РФ, например, в ч. 3 ст. 356 УК РФ и указать в примечании к статье необходимость использования положений Наставления¹⁰ для установления признаков объективной стороны. Текст самого Наставления необходимо дополнить, указав все запрещенные методы ведения войны с учетом положений международного договора Российской Федерации и соответственно классифицировать их. В Наставлении должны быть даны определения каждого такого метода для единообразного их понимания и практического применения.

¹⁰ URL: <https://base.garant.ru/71314428/> (дата обращения: 10.09.2024).

3 заключение

Проведенное исследование свидетельствует о сложности и многогранности характеристики общественно опасного деяния «применение методов ведения войны, запрещенных международным договором Российской Федерации», закрепленного в ч. 1 ст. 356 УК РФ. Специфика представленной бланкетности требует изучения различных международных правил ведения войны и наличия специальных профессиональных знаний у правоприменителя. Полагаем, запрещенные методы ведения войны должны найти отражение в уголовном законе в качестве самостоятельного военного преступления с учетом особенностей отдельных правил квалификации, принимая во внимание предложенные выше изменения.

Список источников

1. Меркурьев В. В., Пичугин С. А., Тараканов И. А. Специфика уголовной ответственности за применение запрещенных средств и методов ведения войны // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 3 (101). С. 73–81.
2. Адельханян Р. А. Военные преступления в современном праве : монография. Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва : Научная книга. 2006. 319 с.
3. Кибальник А. Г., Соломонович И. Г. Преступления против мира и безопасности человечества / под науч. ред. А. В. Наумова. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. 383 с.
4. Котляров И. И. Международное гуманитарное право об ограничении воюющих в выборе методов ведения войны // Московский журнал международного права. 2009. № 2 (74). С. 44–62. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2009-2-44-62>
5. Смирнова А. Н. Ограничение воюющих в выборе методов и средств ведения войны // Вестник экономической безопасности. 2017. № 4. С. 182–184.
6. Трикоз Е. Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты : монография. Москва : Юрлитинформ, 2007. 504 с.
7. Саямов Ю. Н. О Гаагских конференциях 1899 и 1907 гг. // Россия и современный мир. 2017. № 3 (96). С. 33–46.
8. Лисаускайте В. В. Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. Как источник толкования военных преступлений в контексте рассмотрения ч. 1 ст. 356 УК Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107). С. 213–224. <https://doi.org/10.55001/2312-3184.2023.52.46.019>.
9. Лисаускайте В. В. Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям 1949 года как источник толкования военных преступлений, предусмотренных статьей 356 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15, № 1 (55). С. 101–110. <https://doi.org/10.37973/KUI.2024.43.10.011>.
10. Перебийнос М. С. Разновидности применения запрещенных средств и методов ведения войны как преступления // Modern Science. 2021. № 1-2. С. 187–193.
11. Акимов В. А., Бодаевский В. П., Кодинцев С. А. Военные преступления в уголовном праве России : монография / под общ. ред. В. П. Бодаевского. 2-е изд. Симферополь : Издательство Типография «Ариал», 2022. 614 с.
12. Смирнова А. Н. Классификация запрещенных методов ведения войны // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2017. № 17-1. С. 262–263.
13. Ермолович Я. Н. Квалификация применения в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации // Военное право. 2023. № 4 (80). С. 159–173.
14. Козирник Р. Протоколы 1977 г. – важный этап развития международного гуманитарного права // Международный Журнал Красного Креста. Специальный выпуск, посвященный 50-летию Женевских конвенций 1949 года. Москва : Международные отношения, 1999. С. 60–82.
15. Берко А. В., Кибальник А. Г. Применение запрещенных средств и методов ведения войны : [монография]. Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2002. 104 с.